

Т.В. Глазкова

Образ и роль отца в русской культуре

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления роли отца в семье как месте смыслообразования культуры повседневности и социализации личности. Автор рассматривает изменение роли и положения отца в семье в социокультурной динамике: в движении от «безотцовщины» к «отцеприимству». В основе архетипа образ отца лежат представления о власти, авторитете, традиции и связи с родом, в связи с чем видоизменения роли отца в семье и культуре способствуют деформации семьи как культурного феномена.

Ключевые слова. Архетип отца, традиции, культура повседневности, социализация личности, деформации, культурный феномен, «безотцовщина», «отцеприимство».

*Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки тайной –
Оставить в мире след и, наконец,
Исчезнуть!
М.Ю. Лермонтов*

Изучение роли в семье отца как носителя необходимой для идентичности и социализации личности идеи, что при изменении содержания многих понятий в посткультуре современного общества представляется фундаментальной проблемой для самого существования семьи и ее взаимодействия с обществом и государством.

Проблема заключается в необходимости выявить роль отца в семье как месте смыслообразования культуры повседневности и социализации личности. В индустриальном и постиндустриальном обществе роль отца как главы домохозяйства, обеспечивающего физическое существование кровных родственников, супругов и свойственников в рамках этого единого домохозяйства, существенно изменилась. Участие женщины в хозяйственной, экономической, общественной жизни, появившаяся у нее возможность зарабатывать средства для обеспечения своей семьи, привело к ослаблению роли отца в семье и даже к отрицанию его необходимости для полноценного развития потомства. В социокультурной динамике это выглядит как путь с вершины власти к маргинализации: глава семьи и властитель не только дум, но и тел, отец через роль «мужа-мальчика», «мужа-слуги», в репрезентативных практиках художественной культуры представлен как «ошибка» жены/матери его детей (причем подобный статус такой отец семейства слышит зачастую из уст детей); приходящий («воскресный») папа. Доминирование в семье женщины, жены, матери, хозяйки, к тому же имеющей

стабильную работу, успешной в своей профессии, современная массовая культура представляет как вполне естественную ситуацию. Однако инфантилизм отцов может привести к исчезновению семьи с карты общества. Последствия этого события могут быть катастрофическими. Понимание этого уже есть в обществе, несмотря на все заявления о свободе выбора ориентации и роли в создании пары, именуемой пока по инерции семьей.

Анализ текстов художественной культуры, вербальных и экранных, позволяет проследить изменение роли отца в семье и его восприятие детьми от «безотцовщины» к «отцеприимству». Репрезентации образа отца в литературном и экранным дискурсах демонстрируют постоянство внимания к фигуре отца в семье, его роли в ней, проблеме участия отца в жизни детей и их социокультурной адаптации, что помогает понять как отношение общества к социокультурной динамике изменений роли и положения отца в семье, так и возможные варианты развития отношений отца с детьми в пространстве семьи.

В семье отец занимает главное место как исполнитель властных функций, лицо, которому доверена судьба жены/матери и детей, согласно религиозным канонам – проводник заповедей Творца. Поэтому неслучайно в религиозной литературе, в частности в православной, внимание к фигуре отца, поиск отца идеального.

Таковым называется Иосиф Обручник, земной отец-воспитатель Иисуса Христа. В статье «Иосиф Обручник как икона отца» [1] в качестве основного довода в пользу Иосифа называется его готовность простить Марию (понесшую вне брака, не от него), вопреки существовавшему человеческому закону, и ответственность за воспитание ребенка, не родного ему по крови, но доверенного ему.

Отношения между детьми и отцом в семье рассматриваются в рамках различных властных парадигм. Так, В.Н. Дружинин выделяет пять типов властных отношений в семье: власть вознаграждения, власть принуждения, власть эксперта, власть авторитета, власть закона [2]: причем, традиция предполагала руководство детьми со стороны отцов при помощи власти авторитета (уважения к одному из родителей как образцу социально-одобряемого поведения). «Какого бы уровня ни была семья, она имела опору на свой род, родовую честь фамилии семьи и помощь старшего своего рода в самых различных формах», – пишет современный исследователь семьи в России XVIII в. [3].

Старшинство в роде традиционно передавалось в патриархальной семье по мужской линии. Почтительное отношение к родителям из поколения в поколение сохранялось на Руси там, где воспитание детей опиралось на традиционные религиозные принципы. «Уважительное отношение к родителям и старшему поколению в целом прослеживается по источникам по всей территории расселения русских, хотя уже в XVIII веке, а особенно в XIX в. отмечалось некоторое ослабление авторитета стариков. Но общественное мнение по-прежнему резко осуждало лиц, позволивших себе непочтительное отношение к старшим» [4].

Данная позиция относится не только к крестьянской среде, но является общепринятой. Изменения, происходившие в русской семье, связывались с проникновением и укреплением европейских взглядов на жизнь, поэтому наибольшие нестроения наблюдались в семьях образованных сословий, прежде всего дворян, а также разночинной среды и городского населения.

Об использовании архетипической идеи семьи в XX веке пишет исследователь-психолог, упоминая «совдеповский тип отношений, который представляет собой лишенный

сакрального смысла образ «Святого семейства» – известный нам советский стандарт «счастливой семьи», который представляет собой смесь обывательских и нарциссических установок в отношениях с Другим, воплощаясь в том же девственном патриархатно-матриархатном виде и по сей день» [5].

Архетип семьи, априори предполагающий власть отца, представляет собой единение по принципу взаимодополняемости: мужчины (мужа и отца), женщины (жены и матери) и ребенка/детей (сына или дочери). Строгая детерминированность социальных ролей является основой для существования семьи как социокультурного феномена и общественного института.

Отсутствие отца в семье маркирует отношение социума к его ребенку и выражается понятием «безотцовщина». В содержание этого понятия могут быть включены: отсутствие биологического отца и отца-воспитателя (причины отсутствия: гибель за родину, государство; уход из семьи); присутствие биологического отца, не взявшего на себя роль отца-воспитателя (дети из «случайного семейства»).

При этом наличие отца-воспитателя, не являющегося биологическим отцом своих воспитанников, уже не предполагает употребления понятия «безотцовщина». Как показывал в своем творчестве А.П. Чехов, с идеей безотцовщины сопрягается крах традиционного семейства. «Слово это — безотцовщина — в устах “сыновей” по отношению к “отцам” означало: “Я разошелся с ним, когда у меня не было еще ни волоска на подбородке”». [6]. Немаловажно, что исследователь-чеховед указывает на поиск этими «детьми» опоры, духовного родства в тургеневском герое (Базарове, Рудине, Дворецком, Инсарове). Учитывая, что именно И.С. Тургеневу принадлежит роман «Отцы и дети», рассматривающий ключевой вопрос взаимоотношения поколений и получивший в художественной литературе отклики такого плана, как «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, становится особенно важным внимание к фигуре отца в различных социокультурных практиках.

Семья участвует в создании, сохранении и трансляции культурных ценностей. Шкала этих ценностей определяется поисками истины, добра и красоты [7]. В культурной традиции отмечается взгляд на семью как на Малую Церковь, «высочайшую святыню» и ненормальное для человека состояние одновременно. В то же время семья оказывается инструментом воздействия на человеческую личность со стороны государства, и ее необходимость трактуется как неизбежное общественное зло, противостоящее свободе человека в его духовно-эмоциональной сфере. В восприятии христианской культуры, отметившей сверхприродное и надсоциальное назначение семьи, «пустая форма семьи, не наполненная любовью и духом, не осуществляет своего назначения» [8].

Духовно-эмоциональная близость членов семьи, которая базируется на преемственности традиции, восприятию опыта предков, может рассматриваться как фундамент для построения взаимоотношений в кризисные и переходные состояния общества, когда свобода от власти другого становится оставленностью, брошенностью, а вовсе не продиктована самостью личности. Вспомним, что, по Пушкину, «самостоянье человека» основано на любви «к родному пепелищу» и «к отеческим гробам». При этом востребованность «образа» отца в различных культурных практиках наблюдается в качестве неизменного в течение длительного исторического времени. Соседская и религиозная община, трудовой и учебный коллектив, воинское братство, дружеская компания, криминальное сообщество и государство используют фигуру отца в символическом плане. Но, несмотря на разнородность названных социокультурных практик, ими эксплуатируется одно и то же архетипическое начало, связанное с образом

отца и его ролью в социуме: право на власть, основанное на приятии отцом ответственности за других; непререкаемый авторитет, выработанный связью с традицией предков; сообщение ценностных ориентиров, необходимых для формирования и развития следующего поколения в духе преемственности с традицией.

Концепт «семья» наполнен смыслом, связанным с продуцированием положительной коннотации, и включает в свою структуру концепты «Бог», «обычай», «традиция», которые в свою очередь могут разворачиваться на макро и на микроуровнях. Здесь же концепт «Бог» получает уточнение – «Бог-Отец», по отношению к которому все остальные – «дети». Фигура отца на символическом уровне связана с представлениями, нравственным, умственным и физическим о превосходстве.

В символическом пространстве Бог – отец прослеживается отнесенность фигуры отца к небу, к духовному началу в религиозном значении понятия «духовный». Отец – глава, руководитель, властитель. В трудовом коллективе фигура руководителя сравнивается с фигурой отца в случае, если его взаимоотношения с подчиненными выстроены правильно; правильность эта обусловлена архетипическими представлениями о порядке и справедливости (отец нации, «отец солдатам», крестный отец).

Во взаимоотношениях отцов и детей происходит столкновение нормы, представленной опытом отцов, со стремлением детей установить свои правила, или – чаще – просто поспорить с отцами, которые пребывают в растерянности. Глубоко и разносторонне анализируя русскую культуру «в контексте надлома большевистской империи», Н.А. Хренов, в частности, обращается к проблеме поколений. Поколенческий фактор оказывается тем более воздействующим на культуру, чем сложнее взаимоотношения отцов и детей. Здесь исследователь вспоминает А. Солженицына, проводившего параллель между нигилистами XIX и XX вв., и Ж.-П. Сартра, указывавшего отцам на то, что дети – их единственная надежда на спасение от небытия [9].

В свое время еще Ф.М. Достоевский, говоря о взаимоотношениях поколений, назвал диагноз современной ему семьи: «Современное русское семейство становится все более случайным семейством. Именно случайное семейство – вот определение современной русской семьи. <...> случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь...» [10]. Достоевский зафиксировал узловые моменты сопряжения «традиции» «растерянных отцов» и творческих, носящих разрушительный характер порывов «детей», указав, как представляется, необходимое условие творческого развития личности, коренящееся в усвоении опыта предыдущих поколений. Тогда противопоставление творческой личности и культуры будет восприниматься как залог развития различных сфер жизни общества. В XX веке потеря авторитета отцов в глазах сыновей стала, по мнению Э. Эриксона, главной причиной прихода к власти в Германии Гитлера, который стал «идеальным заменителем отца».

Либерализация взаимоотношений в социуме и в семье приводит к тому, что если в крестьянской традиционной культуре, авторитет отца был непререкаем, то в культуре индустриальной и постиндустриальной на его создание необходимо работать и самому отцу, и матери, и обществу. По утверждению И.С. Кона, отцовство является более социально обусловленным феноменом, нежели материнство, и его специфический стиль зависит от множества социокультурных условий и изменяется от культуры к культуре [11]. В культурной динамике это проявляется в отношении к статусности отца как

профессионала, его востребованности и состоятельности, эквивалентом которых выступают место на карьерной лестнице и размер дохода. Постиндустриальное общество в массовом сознании стратифицировано прежде всего по имущественному принципу, основанному на престижности и успешности в условиях конкурентности. Отцу недостаточно хорошо владеть своей профессией, иметь дело в руках, это дело должно восприниматься обществом как значительное и престижное. Иначе он наделяется званием социального аутсайдера, дауншифтера, лузера или неудачника. В данном случае об авторитете у младших говорить вряд ли возможно. Особенно, если подобное восприятие положения отца в социуме транслируется ребенку другими взрослыми-родственниками, или эти же родственники соглашались с такой оценкой отца – главы семейства, полученной ребенком в результате его общения со сверстниками.

В современном обществе, где кризисные состояния, вызванные макроэкономическими или геополитическими факторами, сменяют друг друга, сохранять престижную работу, гарантирующую материальные блага всему семейству, становится всё труднее. В этих условиях семья как носитель и хранитель традиции получает шанс на преодоление деформирующих для себя влияний, с которыми связаны стремления отдельной личности к самоутверждению в конкурентной среде. Меняются ценностные приоритеты и сама шкала оценки состоятельности, профессиональной и человеческой. Необходимость вспомнить о связи семьи с традицией предков, о важнейшей роли семьи в социализации детей и ответственности отцов за смыслы и идеи, переданные детям, дает возможность не гадать, как воспринимать возникшее по отношению к месту и роли отца или общества и государства в целом оценочное «дауншифтер» (то ли как стремление уйти от суеты и почувствовать самоценность жизни, то ли как замедление в развитии или желание простой жизни, где не нужно делать выбор ни при каких обстоятельствах [12]).

Современные культурные практики и их репрезентации (в частности, в кинематографе) фиксируют возникновение феномена «отцеприимства». По мнению кинокритика А. Секацкого, «отцеприимство есть попытка устранения экзистенциального дефицита, возникшего там, где традиционно происходило преобразование мальчика в мужчину» [13]. Но в отечественном кинематографе поисками отца заняты и девочки (не только в военное время – «Девочка ищет отца», но и сегодня – «Северное сияние»). Отцеприимство: возвращение отца – носителя идеи, которую необходимо передать детям. В этом случае – приятие биологическим отцом роли отца-воспитателя; возвращение блудного отца, приятие детьми этого возвращения. Отцеприимство – это и принятие на себя роли отца по отношению к детям, не являющимися родными по крови, приемным детям.

Л.К. Чуковская в повести «Памяти детства» отметила, что в русской литературе с отцами дело обстоит неважно: «Образ отца, который возится с собственными детьми, встает на четвереньки и лает вместе с ними на собаку, превращается в великана, капитана лодки, строителя песочной крепости – словом, общается со своими детьми на равных, ласково и непринужденно, – в русской литературе практически отсутствует. <...> Не потому ли, что до того папам было не до собственных детей? Папы ходили на службу, решали политические вопросы, затем вершили революцию (или, напротив, с ней боролись), воевали, строили социализм, затем одни сидели в лагерях, другие в лагеря сажали – в общем, все были заняты. Тут уж не до детей – на то имелись няньки, матери, учителя, пионервожатые» [14]. Ожидания, возлагавшиеся на фигуру отца и зафиксированные Л.К. Чуковской, вряд ли могли сбыться в силу иного предназначения, заложенного в культуре. Архетипически образ отца ассоциируется, прежде всего, с властью, авторитетом, традицией и связью с родом, поэтому, видоизменяя роль отца в семье и культуре,

определяя его место в детской, общество фактически занимается деформацией семьи как культурного феномена.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Белят Андрей о. Иосиф Обручник как икона отца // URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/_KATOL/Belat-Andzhej-Iosif-Obruchnik2.html. Дата обращения: 15.01.2016.
- [2] Дружинин В.Н. Теоретическая типология моделей семьи // Психология семьи. Самара, 2002. С. 69.
- [3] Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII-XVIII столетий. М.: ЧеРо, 2005. С. 141.
- [4] Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 355.
- [5] Лаврова О.В. Диалогический архетип, гендер и символическая семья // Наука, образование, общество: современные вызовы и перспективы: Сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 июня 2013 г. В 4 ч. Ч. IV. Мин-во обр. и науки. – М.: «Буки Веди», 2013. С. 95-117.
- [6] Бродская Г.Ю. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневосадская эпопея: В 2 т. М., 2000. Т. I. С. 101.
- [7] Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех. СПб.-Тарту: Наука, 1999.
- [8] Ильин И.А. Основы христианской культуры. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007. С. 30.
- [9] Хренов Н.А. Избранные работы по культурологии. Культура и империя. М.: ООО «Издательство «Согласие»; Издательство «Артём», 2014. С. 292.
- [10] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 25. Л., 1983. С. 178.
- [11] Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31–38.
- [12] См.: Дауншифтинг как опрощение. Александр Асмолов о диагнозе, который поставил стране Герман Греф // URL: <http://tovievich.ru/news/7237-daunshifting-kak-oproschenie-aleksandr-asmolov-o-diagnoze-kotoryy-postavil-strane-german-gref.html>. Дата обращения: 21.01.2016.
- [13] Секацкий А. Отцеприимство // Сеанс. [2004]. № 21-22. URL: <http://seance.ru/n/21-22/novyiy-geroy-otets-i-syin/ottsepriimstvo/>. Дата обращения: 22.12.2015.
- [14] Чуковская Л.К. Памяти детства. Мой отец – Корней Чуковский. М.: Время: 2007.

© Глазкова Т.В., 2016

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2016 г.

Глазкова Татьяна Вацлавовна,
*кандидат культурологии,
доцент Российской академии
музыки имени Гнесиных*
e-mail: glaztatyana@yandex.ru